
ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**ПРЕДЕЛЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ
И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

© 2012 г. Антон Александрович Варфоломеев¹

Краткая аннотация: статья посвящена установлению пределов квалификации террористических преступлений. Проводится их отграничение от общеуголовных насильственных действий, диверсии, военных преступлений. Анализируется понятие “государственный терроризм” и делаются соответствующие выводы о пределах квалификации терроризма с точки зрения субъекта преступления.

Annotation: the article defines the limits of qualification of terrorist crimes. The author distinguishes them from common criminal offences, sabotage, military crimes and analyzes the notion of “State Terrorism”, stating limits of terrorism from the point of subject of crime.

Ключевые слова: терроризм, диверсия, военные преступления, квалификация, государственный терроризм.

Keywords: terrorism, Sabotage, Military Crimes, Qualification, State Terrorism.

Терроризм сегодня – одно из самых расхожих понятий. Латинский по своему происхождению корень “террор” подспудно проникает во все сферы общественной жизни. Довлеющая “террорификация” исходит с телеэкранов, из печатных СМИ, Интернета и даже от экспертного сообщества. Отечественная наука не остается в стороне от насущных запросов общества: тема “безопасность и противодействие терроризму” названа номером один в списке приоритетных направлений развития науки, технологий и техники, утвержденном Указом Президента России от 7 июля 2011 г.

К сожалению, подобное внимание только лишь к одному из уголовно-правовых феноменов во многом оправдано жизнью – наша страна продолжает сталкиваться с массированным напором международных террористических организаций. В то же время многие видят в происходящем и определенную долю конъюнктурности: терроризм, если позволительно так выразиться, находится “на пике популярности”. Эту проблему препарируют при помощи общих и частнонаучных методов, статистики и даже публицистики. Действительно, терроризм – явление многомерное. Его можно и нужно исследовать с различных точек зрения: исторической, социологической, политической, психологической, криминологической и многих других. Но при этом *практически*

значимый разговор о терроризме должен вестись в терминах уголовного права – терминах, которые конкретизированы и предельно четко очерчены. Именно поэтому мы хотим рассмотреть проблему квалификации террористических преступлений с целью их отграничения от других видов криминальных деяний. Полагаем, что одним из продуктивных подходов к решению этой задачи может стать обоснованный ответ на лаконичный вопрос: *где лежат пределы квалификации террористических преступлений?*

Начать хотелось бы, конечно, с определений. Под террористическими преступлениями мы будем понимать преступления террористического характера². При этом в нашей работе мы не

¹ Докторант кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского – Национального исследовательского университета, кандидат политических наук, доцент (E-mail: varfanton@yandex.ru).

² Понятие “преступления террористического характера” было введено в отечественное законодательство Федеральным законом “О борьбе с терроризмом” от 25 июля 1998 г. (прекратил свое действие). В заменившем его Федеральном законе “О противодействии терроризму” от 6 марта 2006 г. данный термин отсутствует. Однако он продолжает использоваться в уголовной практике. Так, в соответствии с Указанием Генпрокуратуры России и МВД России от 28 декабря 2009 г. при формировании статистической отчетности используется перечень № 22 преступлений террористического характера. В настоящее время в него входят деяния, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса: 205 (террористический акт), 205.1 (содействие террористической деятельности), 205.2 (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма), 206 (захват заложника), 208 (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нём), 211 (угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава), 277 (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), 278 (насильственный захват

ставим целью развести данные преступления, которые описаны в настоящее время в 13-ти статьях российского Уголовного кодекса, между собой. Мы стремимся лимитировать общее пространство террористических преступлений, используя их системные характеристики, отграничить от действий, которые в русле доктринальных традиций российского и международного уголовного права должны относиться к другим группам преступлений. Именно таким образом мы постараемся установить искомые пределы квалификации.

Для начала возьмем наименее запутанный и казуистичный вопрос о разделении терроризма и общеуголовных насильственных действий, таких как убийство при отягчающих обстоятельствах (п. б, е, ж, л. ч. 2 ст. 105 российского Уголовного кодекса). Этот вопрос можно считать достаточно полно разобранным, поэтому обратим внимание лишь на “сухой остаток”, который будет важен для продолжения наших рассуждений. Многие комментаторы совершенно справедливо отмечают, что основным отличительным признаком терроризма, указанным в диспозиции ст. 205 того же кодекса, является закрытый перечень *целей* преступного посягательства. Это может быть: 1) устрашение населения; 2) создание опасности гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий; 3) оказание воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями. Соответственно, взрыв, поджог или другие общеопасные действия, с помощью которых может быть совершено убийство при террористическом акте, используются всего лишь как средство достижения таких целей. При выборе жертвы терроризма нет определяющей обусловленности, как, например, при убийстве лица в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга (п. б ч. 2 ст. 105). Пострадавшим от террористических преступлений обычно становится не определенный по какому-либо признаку круг лиц – именно поэтому одним из криминологических признаков терроризма называют наличие “невинных жертв”. Этим понятием обозначают тех, кто реально пострадал от актов терроризма, но объективно не являлся непосредственным противником преступников. Наличие “невинных

жертв” подчеркивает опосредованный способ достижения результата террористами и представляет особую общественную опасность террористических преступлений.

Таким образом, можно сделать первый вывод. Любой террористический акт прежде всего обусловлен наличием террористических целей. Действия, которые совершены с целями, выходящими за пределы террористических, не могут расцениваться как терроризм. Здесь же укажем, что предел квалификации терроризма описывается *нулевой* связью между *субъективной стороной преступления* и *пострадавшими* от него. Деяние не может считаться террористическим, если его цель и мотив прямо или косвенно завязаны на жертвах этого преступления (пострадавших). Иными словами, *мы полагаем, что разговор о терроризме должен завершаться там, где насилие становится избирательным, т.е. персонифицированным*. Если личность жертвы не является для преступника безразличной, а какие-либо ее характеристики являются определяющими для цели и мотива криминального деяния, то можно утверждать: это преступление не должно квалифицироваться как террористическое. Данная логика помогает провести разграничение целого ряда террористических преступлений, например отличить захват заложника (ст. 206) от похищения человека (ст. 206 и 126 российского Уголовного кодекса, соответственно).

Сделав утверждение о неизбежности террористических преступлений, можно предвосхитить вопрос о том, как же быть с посягательствами на жизнь государственных и общественных деятелей? Как мы говорили, подобные деяния криминализированы в ст. 277 российского Уголовного кодекса и являются одним из видов *преступлений террористического характера*. При этом с внешней стороны выбор жертвы здесь выглядит вполне детерминированным, а насилие – предельно избирательным. Схожий вопрос может быть поставлен применительно к нападениям на лиц, которые пользуются международной защитой (ст. 360 того же Кодекса).

Безусловно, к политикам или дипломатам, ставшим жертвами террористических покушений, сложно применить понятие “невинной жертвы” (в приведенном нами узком значении). Но необходимо отметить, что насилие в отношении них – как бы парадоксально это ни звучало – тем не менее, является в определенной степени неизбежным. Террористы видят в пострадавших не персону, не физическое лицо, обладающее определёнными личностными ка-

власти), 279 (вооруженный мятеж), 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 282.1 (организация экстремистского сообщества), 282.2 (организация деятельности экстремистской организации), 360 (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой).

чествами, а орган власти; лицо, принимающее решение; олицетворение государственного или общественного порядка. И здесь мы вновь посчитаем необходимым возвратиться к субъективной стороне криминального деяния. Если государственный деятель подвергается насилию из корысти, личной неприязни или по другим подобным соображениям, это выводит преступление из группы террористических. Если же посягательство на такое лицо – лишь опосредованный способ достижения террористических целей, то и квалификация должна быть соответствующей – по статье, относящейся к преступлениям террористического характера.

На этом мы остановим разговор о разделении терроризма и общеуголовного насилия и перейдём к более замысловатому “пограничью” – разделению квалификаций терроризма и диверсии. В исследованиях и комментариях, посвящённых ст. 205 и 281 российского Уголовного кодекса, как правило, содержатся указания на одни и те же отличительные элементы составов этих преступлений, которые помогают отграничить их друг от друга. Во-первых, речь идет об объектах криминальных посягательств. Как указано в диспозиции каждой из статей, для диверсии это экономическая безопасность и обороноспособность Российской Федерации, для терроризма – общественная безопасность. Во-вторых, для обоих видов преступлений закон четко устанавливает обязательный признак субъективной стороны – цели их совершения. Выше мы указали возможные цели террористических актов в трактовке российского уголовного закона. В отличие от них, любые диверсионные действия совершаются в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности России.

С внешней стороны диверсия в описании российского уголовного закона идентична террористическому акту и состоит в совершении взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения. Как и в диспозиции ст. 205, перечень способов диверсионной активности является открытым. Однако комментаторы сходятся в оценках, что это всегда действия активные, общеопасные и ведущие к быстрым последствиям разрушительного характера: помимо конкретно указанных в ст. 281 способами диверсионной активности могут быть, например, обрушения, затопления, обвалы и т.п. В то же время, говоря о “классических” способах совершения диверсионных действий, не стоит

забывать и о возможностях использования диверсантами новейших научно-технических разработок, в частности информационно-коммуникационных технологий. Убеждены, что *кибердиверсии* уже в скором будущем сформируют острое противостояние государств в той сфере, которую Дж. ДерДериан метко назвал “антидипломатией”. Подтверждением тому служит громкая история с кибератаками на объекты иранской ядерной инфраструктуры летом – осенью 2010 г., когда распространение только одного вредоносного компьютерного вируса, по некоторым оценкам, отбросило реализацию ядерной программы Тегерана на четыре – пять лет.

Часть 2 ст. 281 УК РФ описывает совершение диверсии организованной группой, т.е. лицами, заранее объединёнными для совершения диверсионных действий. Закону соответствует рассмотрение в качестве таких организованных групп специально подготовленных разведывательно-диверсионных отрядов зарубежных государств и организаций, если их деятельность направлена против российских интересов, а конкретным объектом преступного посягательства, является экономическая безопасность и обороноспособность нашей страны. Организационные формы и способы противозаконной деятельности диверсионных групп тождественны террористическим. Однако в рассматриваемом примере между диверсионными отрядами и террористическими организациями есть принципиальное сущностное различие, заключающееся в вопросе *уполномочивания*. Разведывательно-диверсионные отряды формируются, структурируются (в том числе иерархически) и получают указания от органов власти или должностных лиц того или иного государства (не важно, в каком виде и в какой форме, гласно или тайно). Соответственно, последнее наделяет эти отряды полномочиями и в конечном счёте несёт ответственность за их действия.

В то же время террористические структуры должны рассматриваться в качестве негосударственных субъектов – они не уполномочиваются на свою деятельность какими-либо государствами, не действуют напрямую в их интересах, не выполняют специальные задания государственных органов или должностных лиц. Иными словами, деятельность террористов не может считаться допустимой в каком-либо государстве – она противозаконна в любой юрисдикции (вспомним, что нормы международного уголовного права и права международной безопасности безоговорочно криминализируют деятельность терро-

ристических организаций в мировом масштабе; именно поэтому в отношении террористических преступлений может применяться и универсальная юрисдикция). В отношении терроризма не может возникать коллизий, как, например, в случае с диверсией.

Итак, деятельность террористической организации с юридической точки зрения является незаконной в любом государстве. Более высокий уровень научного обобщения – философский – помогает объяснить разницу подходов современных государств к правовой оценке терроризма, с одной стороны, и диверсии (а также шпионажа и государственной измены) – с другой. Последние, безусловно, не могут служить интересам общего блага, процветанию мирового сообщества. Но в каждом конкретном случае они выгодны и эффективны для реализации национальных интересов того или иного государства (которое в свою очередь будет трактовать эти идущие себе на пользу деяния как различные виды обеспечения собственной безопасности). Соответственно, видится нонсенсом ситуация, когда влиятельные государства предложили бы универсальную безоговорочную криминализацию всех видов диверсионных действий.

Другое дело – терроризм. Его внутренний философский смысл – категорический антиэтатизм³, отрицание самой ценности государственного устройства в его нынешнем виде, волевое желание создать систему, в принципе альтернативную современной системе сосуществования и взаимодействия государств и международных организаций. Именно поэтому противодействие террористическим структурам становится, как таковое, фактором поступательного развития мирового сообщества, а террористическая деятельность во всех её формах и проявлениях криминализируется как на национальных, так и на международном уровнях. Возвращаясь к проблеме квалификации террористических преступлений, еще раз подчеркнём их антиэтатичный характер и происхождение от негосударственных субъектов. Нам представляется, что *юридически обоснованный разговор о террористических преступлениях прекращается ровно там, где устанавливаются факты организации и/или исполнения действий, подходящих под внешнюю сторону терроризма, но организованных и исполненных по указанию или за счёт того или иного государства*. В этом плане мы конс-

татируем такой феномен, как “государственный терроризм”.

В академических исследованиях “государственным терроризмом” обозначались насильственные действия неизбирательного характера при поддержке со стороны иностранных государств⁴. Уже в наши дни США похожим образом настойчиво предлагали к использованию в политико-правовой практике близкую по смыслу конструкцию “государство – спонсор международного терроризма”.

Установление правильного восприятия термина “государственный терроризм” имеет конкретные практические последствия на *национальном уровне*.

Отечественной доктрине уголовного права отвечает логика индивидуализации ответственности. Российский уголовный закон предельно чётко персонифицирует субъекта того или иного преступления. Так, субъектом террористического акта может являться только физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления 14-летнего возраста. Уголовная ответственность юридических лиц; групп лиц, объединённых по какому-либо признаку (национальности, вероисповедованию, убеждениям и т.п.); членов одних семей, состоящих в той или иной степени родства, не допускается. Зная это, невообразимо предположить уголовную ответственность за терроризм того или иного органа власти либо государства как системы органов власти в целом. Даже международные преступления против мира и безопасности, кодифицированные в гл. 34 российского Уголовного кодекса, подразумевают индивидуализацию ответственности на общих основаниях, хотя и сложно представить, что, предположим, применение запрещённых средств и методов ведения войны (ст. 356) либо геноцид (ст. 357) могут совершаться без использования властных полномочий какого-либо государственного органа. Но субъектом даже этих преступлений будет все то же конкретное вменяемое физическое лицо. Именно оно будет признано виновным и понесет персональное наказание по соответствующей санкции. Чтобы ярче проиллюстрировать наши рассуждения, возьмём для примера проблему, которая в современной России провозглашается наиболее острой, – коррупцию. Никому не приходит в голову обозначить деяния, предусмотренные ч. 3 ст. 290 российского Уго-

³ Об этом мы полнее писали в нашей работе “Терроризм как продукт антиэтатизма” (Вопросы философии. 2011. № 6. С. 23–32).

⁴ По данной тематике проходили и защиты диссертаций, например: *Блищенко В.И.* Международно-правовые проблемы государственного терроризма (На примере Чили). Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1989.

ловного кодекса⁵, в качестве “государственной взятки”. Да и субъектом самой коррупции как криминологического явления в любом случае не могут быть государство или общество. Ответственность за конкретные проявления коррупции должны нести конкретные виновные лица. Точно так же за конкретные проявления терроризма должны отвечать и нести наказание конкретные преступники. Квалифицировать в качестве терроризма действия, субъектом которых является государство, бесперспективно. Покажем это и с позиций *международного права*.

Государство может быть признано неправым в судебном порядке. Это касается, в частности, спора между государствами в случае его рассмотрения в Международном Суде (один из шести уставных органов ООН) либо спора между физическим лицом и государством при его рассмотрении, например, в Европейском суде по правам человека. Однако ни та, ни другая процедуры не касаются уголовных вопросов, к которым мы без сомнений относим проблемы терроризма.

Международный уголовный суд⁶, к компетенции которого в соответствии с Римским статутом могут относиться геноцид, военные преступления и преступления против человечности, занимается преследованием только физических лиц. Соответственно, с его позиций вести речь о каком-либо виде “государственных” преступлений неуместно.

Проект кодекса преступлений против мира и безопасности человечества⁷ также указывает, что даже такие преступления влекут за собой индивидуальную ответственность.

Наконец, необходимо признать: действующее международное право располагает прецедентом коллективной уголовной ответственности и признания в качестве преступных государственных организаций. Мы имеем в виду “Суд истории”, подытоживший Вторую мировую войну в Европе, – Нюрнбергский трибунал. В ст. 6 и 9 Устава Международного Военного Трибунала было

указано, что субъектами обвинения могут стать определённые группы и организации⁸. Воспользовавшись этим положением, Трибунал признал преступными не только руководящий состав нацистской партии, но и организации СС, СД, гестапо. Таким образом, впервые в новейшей истории международный судебный орган объявил виновность государственных организаций (фашистской Германии) с уголовно-правовой точки зрения. Однако необходимо сразу отметить, что о преступности государства (т.е. *государства-нации* Германии) вопрос не стоял⁹. Соответственно, даже в этом в целом исключительном для политико-правовой практики случае не государство рассматривалось в качестве субъекта преступления. В своём приговоре Трибунал отдельно указал: “Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путём наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права”¹⁰.

Мы постарались изложить аргументацию, а priori отвергающую криминологические попытки включить в категорию субъекта терроризма органы власти и обосновать понятие “государственный терроризм”. Теперь кратко рассмотрим этот вопрос *a posteriori* – отталкиваясь от логики сторонников вышеобозначенной концепции. Здесь мы поступим просто: согласимся с исследователями, которые уже сделали азбучный вывод: те деяния¹¹, которые приводились и приводятся в качестве примеров “государственного терроризма”,

⁸ В частности, в ст. 9 Устава сказано: “При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией” (см.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. I. М., 1954. С. 17).

⁹ Трибунал не признал в качестве преступных организаций даже нацистский кабинет министров, генеральный штаб и верховное военное командование.

¹⁰ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. II. М., 1954. С. 992

¹¹ Мы намеренно говорим о *деяниях*, поскольку, по мнению некоторых авторов, поддержка государством терроризма может выражаться не только в действиях, но и в бездействии. Уже упоминавшийся нами М.А. Хрусталев вывел преступное “попустительство” как вариант участия государства в террористическо-диверсионной войне: “Правительство официально осуждает действия террористов, но с оговорками. Само оно им никакой помощи не оказывает, однако не препятствует это делать политическим и общественным организациям в полулегальной форме и в ограниченных размерах” (см.: Хрусталёв М. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен // Международные процессы. 2003. № 2. С. 61).

⁵ Получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления.

⁶ Международный уголовный суд является постоянным учреждением. Компетенция суда охватывает преступления, совершенные на территории государств-участников и гражданами государств-участников Римского статута, совершенные после его вступления в силу 1 июля 2002 г.

⁷ Проект кодекса был разработан Комиссией международного права ООН по поручению Генеральной Ассамблеи от 1947 г. В 1991 г. на своей 43-й сессии Комиссия в предварительном порядке приняла проект в первом чтении.

на самом деле должны квалифицироваться как совершенно другие виды преступлений – агрессия, геноцид, применение запрещенных средств и методов ведения войны, экоцид, наёмничество, та же самая диверсия и т.п. Обстоятельный критический анализ использования в отечественной литературе термина “государственный терроризм” провели профессора В.С. Комиссаров и В.П. Емельянов в работе «Террор, терроризм, “государственный терроризм”: понятие и соотношение»¹². Они справедливо заметили, что зачастую авторы, называющие те или иные явления “государственным терроризмом”, сами понимают, что это – уже явления иного порядка, нежели терроризм. И.П. Блищенко и Н.В. Жданов указывали: “Террористические акты, совершаемые властями какого-либо государства, или допущение властями какого-либо государства организованной деятельности, рассчитанной на совершение террористических актов в другом государстве, необходимо квалифицировать как акт косвенной агрессии”. Видели агрессию в “государственном терроризме” также И.И. Карпец, Л.А. Моджорян, Т.С. Бояр-Созонович.

И это вполне логично и справедливо. Возьмем определение агрессии, утверждённое резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. В соответствии с ним независимо от объявления войны в качестве акта агрессии могут квалифицироваться такие действия, как засылка государством или от имени государства вооружённых банд, групп, иррегулярных сил или наёмников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства (п. г ст. 3). Из приведённого положения хорошо видно, что понятие “государственный терроризм” следует, как представляется, рассматривать в аспекте академического суждения, поскольку те деяния, которые авторы обозначают этим термином, уже перекрыты криминализацией косвенной агрессии. К слову заметим, что в российском внутреннем законодательстве имплементирована только норма, устанавливающая ответственность за *прямую* агрессию: ст. 353 отечественного Уголовного кодекса кодифицирует санкцию за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны.

В порядке выяснения концептуального содержания понятия “вооруженный конфликт” в рамках гл. 34 российского Уголовного кодекса

“Преступления против мира и безопасности человечества” проведем разграничение терроризма и военных преступлений. А правильнее сказать – поставим задачу неотнесения деяний, совершаемых в период военных действий и вооруженных конфликтов, к террористическим преступлениям. Как известно, ст. 356 “Применение запрещенных средств и методов ведения войны” устанавливает ответственность за жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением, депортацию гражданского населения, разграбление национального имущества на оккупированной территории, применение в вооруженном конфликте средств и методов, а также оружия массового поражения, запрещённых международными договорами Российской Федерации. Мы намеренно полноформатно представили положения Уголовного кодекса соответственно сложности в отграничении указанных действий от террористических преступлений. И, тем не менее, проблемы смешения существуют (хотя, надо признать, в большей степени не на национальном, а на международном уровне, где, к сожалению, нет единого исчерпывающего перечня уголовно наказуемых в данный момент деяний). Мы не приводим эмпирическую подборку фактов путаницы военных и террористических преступлений: от признания в качестве “террористов” военнослужащих, применяющих во время вооруженных конфликтов насилие различного рода в отношении гражданских лиц, с одной стороны, и до полной противоположности – попыток примерить статус “комбатантов” на участников террористических организаций и, соответственно, обращения с последними как с военными преступниками.

Расставить все по своим местам могут положения международного гуманитарного права (МГП), регулирующего права и обязанности участников вооружённых конфликтов. Именно МГП, а точнее его часть – так называемое “гаагское право” устанавливает запрещенные средства и методы ведения войны.

Один из основополагающих принципов МГП¹³ предписывает всем лицам, участвующим в вооружённом конфликте, в любых обстоятельствах проводить различие между гражданскими лицами и комбатантами, а также между гражданскими и военными объектами. “Принцип проведения различия” – краеугольный камень МГП. Произ-

¹² См.: Вестник МГУ. Сер. 11 “Право”. 1999. № 5. Нижеследующая цитата и заключение по исследовательским оценкам “государственного терроризма” приводятся по этой статье.

¹³ В наших рассуждениях мы используем информационный документ Международного Комитета Красного Креста (МККК) “Международное гуманитарное право и терроризм: вопросы и ответы” (см.: <http://www.icrc.org>).

водными от него являются многочисленные конкретные нормы МГП, такие, например, как запрещение умышленных нападений, направленных против гражданских лиц и гражданских объектов, запрещение нападений неизбирательного характера и использования “живых щитов”. Список даже перечисленных в качестве примера методов ведения войны показывает: двигаясь в русле принципа проведения различий, МГП запрещает в период вооружённых конфликтов большинство деяний, которые были бы квалифицированы как “террористические”, будь они совершены в мирное время (обратим особое внимание на определение “неизбирательный”, а также на упоминание “живых щитов”: все это самым тесным образом соотносится с разобранным нами в начале работы понятием “невинных жертв”).

Как справедливо отмечают эксперты МККК, в ситуациях вооруженного конфликта с юридической точки зрения было бы бессмысленно квалифицировать как “террористические действия” умышленные акты насилия в отношении гражданских лиц, поскольку они и так считаются военными преступлениями.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать: *если преступление, с внешней стороны похожее на террористическое, совершено в период вооружённого конфликта (да к тому же представителем одной из сторон этого конфликта), то оно должно расцениваться как военное*. И ссылка на террористические цели такого преступления в данном случае не сыграет свою роль – практически любые военные действия, даже законные, можно охарактеризовать как “устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба...” и далее по тексту диспозиции ст. 205 “Террористический акт”.

Мы можем сказать, что, по сути, терроризм и есть привнесение в мирную (гражданскую) жизнь

средств и методов войны (вооруженных конфликтов). Причём если военные преступления – это действия, направленные против «островков» гражданской жизни, которые условно остаются в военное время, то терроризм – это, наоборот, попытка «точечного» внедрения в мирную жизнь войны (в широком смысле как «вооруженного способа решения конфликтов»).

Необходимо отметить, что в настоящей работе мы разобрали далеко не все пределы квалификации террористических преступлений. Вне осталось, например, их отграничение от пиратства, бандитизма, геноцида и пр. Эти вопросы могут стать предметом дальнейшего исследования.

Что касается рассмотренных проблем, то по ним можно сделать следующие выводы. Во-первых, совершенно очевидно, что для чёткой квалификации терроризма как уголовно-правового феномена нужна его деполитизация. Политическая подоплёка является имманентным свойством террористических преступлений. Но она не должна поглощать другие их важные характеристики, наносить ущерб их целостному объективному восприятию.

Во-вторых, для квалификации террористических преступлений очень большое значение имеет их субъективная сторона, прежде всего наличие террористических целей.

Наконец, в данной работе мы продемонстрировали следующие пределы квалификации террористических преступлений: юридически обоснованный разговор о них прекращается, если насилие становится избирательным, т.е. персонифицированным; если устанавливаются факты организации и/или исполнения действий, подходящих под внешнюю сторону терроризма, но организованных и исполненных по указанию или за счет того или иного государства, и если преступление совершено представителем стороны, участвующей в вооруженном конфликте.